

реживаніи своемъ, не былъ ли онъ въ немъ узокъ, объ этомъ мы поговоримъ впоследствии.

Обратимся снова къ разумному сознанию, постараемся психологически его характеризовать. Напомнимъ, что его основное содержаніе выполняется универсально этической дѣятельностью, опредѣляется чистой идеей добра. Есть ли это разумное сознание рядъ несвязанныхъ между собой универсально-этическихъ переживаній, или же они связаны съ какимъ-нибудь центромъ? Иначе говоря, присущъ ли этому высшему сознанию, этой истинной и вѣчной жизни, порой въ насъ зажигающейся, характеръ самостоятельнаго бытія, или она мыслима лишь въ связи съ душевной жизнью? Лична, или безлична она, одна и та же во всѣхъ людяхъ, или въ каждомъ своя? Есть ли эта „вышая жизнь“ самое подлинное въ нашей индивидуальности, самое индивидуальное въ ней, ея ядро и центръ, или она есть частица Божества, его ипостась, его частичная реализація, его проявленіе въ насъ?

Эти вопросы существенны и неустранимы для того, кто хочетъ мыслить ясно и послѣдовательно; не могъ ихъ избѣжать и Толстой. Но въ его личныхъ мистическихъ переживаніяхъ, блѣдныхъ именно съ этой стороны, онъ находилъ мало матеріала, къ тому же и противорѣчиваго. Высшее разумное сознание переживалось Толстымъ лишь въ его этической сторонѣ, т.-е. какъ разумно этическая дѣятельность и непосредственное, хотя и не опредѣляемое разумомъ, но все же безличное чувство любви. *Содержаніе* высшей жизни открывалось Толстому лишь въ универсальной, безличной окраскѣ,—неволью это переносилось и на самую основу высшей жизни. Но были у Толстого и инныя переживанія. Съ той же непобѣдимой силой, съ какой онъ чувствовалъ универсальное въ человѣкѣ, въ себѣ, онъ чувствовалъ порой и метафизическую стойкость индивидуальности. Но эти переживанія принадлежатъ уже къ позднѣйшему періоду религіозной жизни, когда Толстой опредѣлился въ своемъ отношеніи къ христіанству,—и оттого они не оказали вліянія на его философію религіи. Явившись слишкомъ поздно, они такъ и остались одиночными и безплодными. Пантеизмъ и универсализмъ въ Толстомъ былъ первоначальной и прочно залегшей концепціей,—и въ ней растворялась индивидуальность, въ ней исчезало все личное, особенное, и если загадка индивидуальности оставалась для него всегда загадкой, часто очень мучитель-